

СКОТОВОДСТВО, РЫБОЛОВСТВО, ПТИЦЕЛОВСТВО И ПТИЦЕВОДСТВО (§ 25)

Скот староегипетских вельмож был их собственным, собиным скотом: «быки, мелкий скот (определитель — коза), ослы, что от плоти его» (Ath:XII); «упряжки (определитель — бык)..., что от плоти (моей)» (RTDG I:XXIII); «рогатый скот (изображены бык, корова и телята) дома, (что от) плоти» (DAeAe II: XXXI a); «мелкий скот (определитель — баран) дома, что от плоти» (MU:37). Областные князья, ведавшие скотом своей области, четко обособляли его от своего, личного скота: «Смотрение на отдачу (*ирв*) (со стад) со стороны князя, друга (царского) единственного, (жреца-)уставщика, того, кто в чести, *Мрай* Большого из имущества его собственного его (*м ишт.ф джсс.ф*); не (есть) [это то, что сказывается „по должности“] (восстановление К. Зете в UAR на основании D:VIII)» (Ath:IX=UAR:267); «Створение отдачи быков (и) коз областей средних, смотр упитанных быков (и) коз» (смотрит «князь, друг (царский) единственный *Пайи-сих* Средний») (RTM V:XVI).

Скот у староегипетских вельмож был разнородный: быки, козы, бараны, ослы, прирученные степные парнокопытные (антилопы, газели, козероги) и даже хищники (гиены); свиньи упоминаются исключительно редко (AIKMB:76 D.1). Степной скот (в том числе гиен!) вельможи охотно ели; все эти животные значатся в перечнях яств, которыми вельможи желают угощаться на том свете, причем хотят иметь каждого рода по тысяче! К изображениям вельможеского скота на гробничных стенах бывают приписаны числа, но они вряд ли годятся для суждений о количестве поголовья, потому что они могут быть просто желательными. Однако соотношения их по разным родам скота, вполне возможно, близки к действительным. Так, у *С'бв* для быков показаны числа 405, 1237, 11360, 1220, 1138, 130, 628, 1200, 303, для «молодых белых (антилоп)» — 1308 и 1246, для молодых газелей — 1135 (MAE:146); у *Пайи-сих*, по прозванию *Хъний*, в «городцах (т. е. деревнях) его» молодых упитанных быков было 300 и 500, длиннорогих быков — 1400, 1400 и 1300, коров — 500 и 300, козлов — 32 400; у *Мрай* было 1200 голов мелкого скота (изображены козлы) и 20 000 ослов (для быков число не указано; Ath:XII). Впрочем, эти числа

выглядят довольно умеренными по сравнению с теми, которые князь *Пий-снх* Средний указывает в своей гробнице для подведомственного ему скота управляемых областей: 760 000, 7000, 700, 77 голов крупного рогатого скота (RTM IV:XVI).

В вельможеском скотоводстве четко различимы две стороны: содержание скота в хлевах и выпас на подножном корму в Низовье. «Хлева» (*мджвт*) находились в «городцах» (т. е. селениях); в гробнице царевича *К'-н-н(й)-свт* над приводимыми быками так и значится: «Упитанный бык хлева, приветственный дар городцов» (APhHKQAW XIV:IV). В хлевах содержалось основное скотоводческое богатство вельможи — крупный рогатый скот: «молодой упитанный бык, (лучший), что (есть) в хлеву» (MKhCI:XXXIV, XXXVII дважды; G VIII:85); «молодой упитанный бык, пред(почтительнейшее) хлевов» (над двумя быками, MAE:245); «упитанный бык хлева» (G I:221; APhHKQAW XIV:IV); «упитанный бык хлева безрогий» (DAeAe II:XXIIa=AIKMB:90). Но наряду с хлевами крупного рогатого скота существовали и хлева для других животных: «хлева упитанн(ых) бык(ов), хлева мелкого скота (определитель — газели или козы) нагорья» (MG I:XIV—XVI=GAR: LXXIX+LXXXVII); «откорм молодой (антилопы) *м'*, (лучшей), что в хлеву», «откорм (антилопы) *нэджв*, (лучшей), что в хлеву», «откорм, (антилопа) — — —, (лучшая), что в хлеву» (DAeAe II:CII b) (на том же гробничном изображении представлен и откорм газелей). Заведовал хлевом распорядитель (*ймй-р' мджт*). Мы видим этих распорядителей то ведущими быка (MAE:350) или «молодую (антилопу) *м'-хъдж*» (G III:73=III), то надзирающими за доением коров (GAR: LXXXV, MAE:290), то наблюдающими за тем, как принимают теленка (GAR:LXXXV+178).

Хлева составляли собственность вельможи: «хлева дома, что от плоти» (M:IX, XIV); ср. «распорядитель хлева, что от [дома плоти его?]» (DAeAe II:CIIa).

Другая сторона скотоводческой деятельности — выпас скота на подножном корму, главным образом на тучных пастбищах влажного Низовья. Конечно, скот мог содержаться в хлевах и в Низовье (см. § 15—16), так как «дворы» и «городцы» (т. ё. селения) имелись и там, но низовой особенностью был именно выпас под открытым небом: «выход из низовой топи» (относится к пастухам с коровами, MAE:210); «коровы эти, вышедшие из низовой топи» (над волопасами, переходящими вброд воду со своим стадом, GT:CXII); «[см]отрение на работу полевую всякую добрую, сотворяемую в низовой топи» (перед вельможей, смотрящим на работы, в том числе скотоводческие, MPAS II:XIII); «— — — низовая топь — — —» (над быками, бредущими в воде, GAe:CXCIV); «— — — низов[ая т]опь» (на скотоводческом изображении, MPAS II:XVII); изображение волопасов с их стадом в явно низовых условиях (RTM V:XXX; MAE:243—244) и быков, идущих в воде в болотных (папирус-

ных) зарослях (G IV: между 28 и 29). Ср. также: «доставка приветственного дара пастухами, что в поле», «пригон крупного рогатого скота дома собственного, чтобы видеть (вельможе) счет (с) пастух(ами) при отдаче (приплода?) (со скота)» (DAeAe II:XXXI a), однако пастбища имелись и в Верхнем Египте по берегам реки.

«Пастухи» (*мнйв*) у вельможи были «пастухами его» (RTShS:XIII), «пастухами дома, что от плоти его» (D:XVIII). Непосредственным начальником их был «предводитель (*xpn*) пастухов» (MAE:243; TR:XXXI; RTS:XXVIII; GAe:CXCIV); в одном случае упомянут «старшина (*смсв*) — — —» (MPAS II:XVII). Хотя с пастухами можно «счасться» по части «отдачи» со скота (DAeAe II:XXXI a) и они предъявляли вельможе свои «поставки» (*йнв*) наряду с «властелями» (*хъкъ'в*) селений, птицеловами (?) и рыбаками (DAeAe II:XLII a), все же по-настоящему ответственным за приплод от стада был главный скотовод — «распорядитель соединения» (*ймй-р' чэт*).

Областной князь *Мрий* Большой смотрит на «отдачу» (*йрв*) со скота «из имущества его собственного по правде». Впереди предъявляемых быков, козлов и ослов идет «распорядитель соединения *Шм'й*», очевидно рачительный скотовод, потому что о козлах сообщается: «отдача добрая с мелкого скота», а об ослах: «отдача добрая с ослов» с восторженным в придачу возгласом: «Как много этого!» (Ath:IX). «Распорядители соединений» подводят своих быков и козлов к вельможе, смиренно склонившись, а одного так пристав собственоручно наклоняет поглубже: «Склонись гораздо!» (RTM V:XL). У колено-преклоненного «распорядителя соединения» спрашивают: «Скажи (мн)е (постоянно) даваемое тобою!», и горе тому, кто не может представить положенного — его бьют, приговаривая: «Порицаемый владыкой своим, (предмет) неприязн(и) для госпожи своей, ненавидимый обоими домами (т. е. верхнеегипетским и нижнеегипетским хозяйствами) владыки своего» (RTDG I:VIII). «Распорядителей соединений» в одном хозяйстве могло быть много: у *Пайй-снх Хъний* изображено их четверо (RTM V:XL), а у *Йбий* — так целых восемь (RTDG I:VIII); недаром у последнего запись ведут трое писцов (RTDG I:VIII), а у первого — в другом случае — четверо, в том числе сам управляющий хозяйством — «[распоря]дитель дома» и «(тот), кто при книге» (т. е. архивариус, RTM V:XXXII).

Слово *йрв*, которое было передано мною как «отдача», согласно словарю означает «то, что должно быть сотворено»¹. У «распорядителя соединения», как мы видели, спрашивают, что он (постоянно) дает. Ну а если он превысил положенное, кому поступал излишек? Вельможе или, хотя бы частично, скотоводу? К несчастью, памятники об этом молчат.

Птицеловство и птицеводство были связаны одно с другим

¹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 1, с. 113—114.

самым тесным образом, потому что птичники вельмож пополнялись в основном птицею, которую ловили в болотистых зарослях. Но и рыболовство в какой-то степени объединялось с птицеловством, поскольку наивыгоднейшим местом для ловли и в том и в другом случае была низовая топь. Существовали особые обозначения для рыболовов и птицеловов: «ловец рыб» (*вхъс рме*, DAeAe II:XLII a;ср. DAR:XXVII; DARMK:XIV; ASAЕ LIII:XIII a) и «ловец птиц» (*вхъс 'ндв*, SM:XI; ср. ASAЕ LIII:XV a) и соответственно «распорядитель ловцов птиц» (DAeAe:VI; RTS:XXXV=XXXIV; звание «распорядитель ловцов рыб» мне не попадалось). Однако обычным обозначением для рыболовов и птицеловов было просто «ловец» (*вхъс*, для рыболовов в звании их начальников «распорядитель ловц(ов)», FD:XXIII; RTShS:XII; RTM IV:VIII; RTM V:XXX; для птицеловов MM:XLI=GAR:XCVI; MAE:210+HAA:35; RTS:XXXVII++XXXIX (в последних двух случаях в возгласах) и в звании «распорядитель ловц(ов)»; RTShS: XII; MG I:VIII; G XI:234).

Рыбаки и рыболовы были «собственными» людьми вельможи: «удильщик (*сн^схъв*) дома собственного» (MG I:IV), «ловцы(ы) птиц дома собственного» (SM:XI), «—— птицы, доставленные ему ловцами дома собственного его» (MM:XLI==GAR:XCVI). Очевидно, они составляли рабочие дружины, раз работали под начальством своих распорядителей, и притом, особенно рыболовы, по многу человек вместе: рыболовы—DAeAe II:IX b; FD:XXIII; GT:CX—CXI=TT:IX, LXXVII, CXI, CXXIII; GAR:XXVII; RTM IV:VIII; RTM V:XIII, XXX; G VI; между 72 и 73; G XI:168; птицеловы—DAeAeE:VI; RTShS:XII; MG I:VIII; RTS:XXXV=XXXIV. Всего больше работников у рыболовов, когда тянут большой невод: в одном случае изображено до 19 человек, не считая распорядителя, но обыкновенно изображено меньше. Ловили рыбу большими и малыми сетями, «мордами», сачками; ужёние (MG I:IV) сколько-нибудь значительного производственного значения не имело. Птицу ловили в захлопывавшиеся сети, такие большие, что затягивало их несколько мужчин.

Рыба совершенно отсутствует в перечнях яств, какие вельможи желали вкушать на том свете, хотя такие списки сохранились в огромном количестве, нет ее и на изображениях загробной трапезы вельможи. Зато народ ел рыбу с удовольствием (см. § 24). Птица, напротив, появлялась на вельможеском столе, и притом разнообразная. Подобно тому как Старое царство держало в хлевах степных парнокопытных, оно и в птичниках содержало разные виды птиц, в основном болотных. В перечнях яств, желательных на том свете вельможе, значатся не только гуси и утки, но также журавли и голуби. Основным поставщиком водяной птицы была низовая топь, но ловили и содержали их и в Верхнем Египте: «Смотр приветственного дара — птиц, доставок дворов (и) дворов двойника Земли низовой (и) Верховья дома собственного» (TP:XXI). И тут же

приведены числа для поступившей птицы, числа, конечно, произвольно большие, но соотношения их могут как-то отражать действительность: одних гусей 121 200, других — опять-таки — 121 200, но третьих — только 11 110, лебедей и того меньше — 1225, зато уток одних, шилохвосток, по-видимому, 100 002 (ТР:XXI+MPAS I:42+39), число других уток — 121 022, голубей — 111 200, если только число не относится к птенцам; впереди всех изображены журавли, но число их не указано. Держали их по меньшей мере три вида (DAeAe II:L, каждого вида по тысяче!). Различали несколько пород гусей и несколько пород уток (G IV:VII+G VI:y 64).

В смысле питания скотоводы в низовой топи были в значительной мере предоставлены самим себе. Мука, разные виды хлеба, пиво должны были доставляться сюда извне, но печь лепешки, ловить болотную птицу и рыб, обзаводиться говядиной можно было на месте. Сходное положение дел, но с видимым перевесом в сторону самообслуживания наблюдается в отношении одежды. Если полотняные опоясания ткать среди топей было затруднительно, то одежду из волокон болотных растений здесь можно было плести без малейших трудностей. Отличительный признак пастухов, попавший даже в знак письма, изображавший такового, скатка, похожая на современную (солдатскую), представляла из себя плетеный плащ или циновку, скатанную и свернутую в виде петли. Ее концы перевязывали, в нее саму просовывали голову (GT:CXII); высыхая, растительные волокна в скатке приобретали желтый цвет (G IV:XIII). О назначении скатки служить покровом говорит знак письма, ее изображающий и обозначающий слова з' «защита». В гробнице верховного сановника *Снджм-йб* изображены как готовая скатка, так и обработка ее поверхности (*вх' кънй*) и приготовление волокон (*сшн джт кънйв* «приготовление папирус(ных) волокон для скаток»; DAeAe II:LXXII). Сходное изображение имелось и в гробнице *Хәтп-хәр'-хт(й)* (DAR:XIV).

Широко была распространена среди скотоводов набедренная одежда, опоясание, плетеное из волокон болотных растений. Отличительная особенность ее — скошенный спереди выступ. Такую одежду мы часто видим на скотоводах. Высыхая, волокна и тем самым одежда делались желтыми (G IV:IV, XII; GKS II:LV).

Сравнительно часто в гробницах встречаются изображения, касающиеся питания скотоводов.

В гробнице *Снджм-йб* над чисто скотоводческими изображениями помещаются два пояса таких, которые посвящены, если так можно выразиться, неслужебному быту скотоводов. В нижнем из этих двух поясов четверо мужчин занимаются изготавлением из папируса своих плащей. Так как мужчины сидят на земле, над ними оставалось пустое пространство, которое и было заполнено длинным рядом предметов, треть кото-

рых, к сожалению, ныне разрушена. Среди уцелевших все, что поддается определению, продовольственного порядка: сосуд с неизвестным содержимым и хлебы. В верхнем поясе слева на особом, обычном на пастбищах и в болотах седалище восседает мужчина, который, судя по надписи вверху, пастух. Изображение повреждено, и, если бы воспроизведение столетней давности было бы надежно, можно было бы подумать, что другой муж, стоящий перед сидящим, зачем-то схватил его за руку. Однако вероятнее, что издание ошибочно и стоящий мужчина служит сидящему, поднося ему то или иное угощение, как то обычно бывает на такого рода изображениях (см. ниже). Приготовление угощения представлено в правой части пояса, где трое мужчин жарят птицу и пекут лепешки. Надпись, относящаяся к последнему занятию, издана очень неудовлетворительно, но была, наверно, обычно в таких случаях: «Битье (хлебов) х'джв» (см. ниже). Так как повар и пекари сидят на земле, над ними опять оставалось незанятое пространство, которое заполнено было изображениями еды и напитков. Из-за разрушений не видно, что лежало в широкой корзине на ножке и в ее глубокой соседке; три стоячих предмета похожи на пивные сосуды на подставках, а вещи, лежащие между корзинами и сосудами, скорее всего овощи. Если то, что приготавливали трое мужчин в том виде, как оно показано на изображении, могло быть съедено сидящим в левой половине скотоводом, бывшим, надо думать, не простым пастухом (ср. изображения, обсуждаемые ниже), то съесть и осушить все то, что изображено над изготавителями пищи, было зараз невозможно. Если это продовольствие предназначалось для старшего скотовода, оно было явно заготовлено впрок. Позволительно, однако, усомниться, что все в этом поясе сводилось к кормлению начальника. Не слишком ли велико для этого число обслуживающих: угождающий прислужник, повар и два пекаря? Не проще ли предположить, что по меньшей мере пекари пекли лепешки не на одного начальника, а для всей своей скотоводческой братии и старший пастух только в первую очередь обслуживался их печением? Множество продовольствия, изображенного в нижнем поясе над изготавителями плащей, вне всякой связи с угождающим скотоводом может только служить подтверждением такому предположению. В безымянной гробнице DAeAe II:ХСVI над скотоводческими изображениями представлены два пекаря, такие же небритые, как и кое-кто из изображенных под ними скотоводов. Один пекарь достает тесто из горшка, другой печет в золе лепешки. Над пекарями поврежденное изображение: груда разных предметов, в том числе полотняных (потому что белых) кошельей,— надо думать, с продовольствием. Хотя в поясе над пекарями изображен старший пастух, надзирающий за скотом, печение лепешек и груда довольствия вверху с этим начальством никак не связаны, и нет потому никакого повода считать, что лепешки и содержимое

кошелей предназначались для одного старшего скотовода. Надпись над пекарем, достающим из горшка тесто: «Битье (теста для хлебов) *х'джв*» — перекликается с соответствующей надписью у Сндж-йб. Таким образом, предложенное выше понимание изображения в его гробнице находит, думается, подкрепление в изображениях безымянной.

Еще определенное в пользу изложенного толкования говорит изображение в гробнице К'-м'-сих (G IV:XII). Внизу написаны свернутый петлею тростниковый плащ и два глиняных сосуда, из которых тот, что покороче, засунут в суму. Посередине представлен старый пастух, лысый и небритый, который, сидя на земле, месит тесто в большой глиняной чашке; около тлинняного сосуда с небольшим горлышком. Вверху изображения молодой мужчина лепит круглый хлеб и восемь таких же готовых хлебов лежат перед ним, — быть может, уже в горячей золе. Начальствующего пастуха нет ни на самом изображении, ни по соседству, так что нет ни малейшего основания думать, что хлебы пеклись для него одного.

Другим подтверждением предложенному толкованию может как будто бы служить обломок гробничной стены, изданный GAR:LVII A. Слева на своем особом седалище сидит «распорядитель соединений» (*ймй-р' чз(в)т*), судя по званию и по родству изображения с явно скотоводческими, начальник над соединениями пастухов. Перед ним двое пекарей: один достает тесто из горшка, другой лепит в руках хлебец. Надпись над ними: «Битье (теста для хлеба) *х'джв*» — имеет в виду, возможно, только деятельность первого. Далее, направо, третий пекарь печет в золе хлебцы. Надпись вверху: «[Печение?] (хлеба) *х'джв*». Если лепешки предназначались для одного начальника, то зачем для этого понадобилось трое подчиненных? Надписи не говорят, что печение предназначалось для «распорядителя соединений»: они представляют собою обычные приписки к производственным изображениям. Более того, сам «распорядитель соединений» пока что еще вовсе не собирается отведать произведений своих подначальных: он просто надзирает за их работою и не выпускает из рук ни знака своей власти — длинного жезла, ни странного на первый взгляд предмета, оказывающегося при сравнении с вооружением «управителя рыболовов» в гробнице Вр-йр-ний (RTShS:XII) веревочным бичом (об этом биче и его применении см. в G VI:68). Таким образом, все указывает на то, что изображено производство общего, а не узкотипного назначения и протекает оно, как обычно, под строгим надзором начальствующего.

Несколько неопределенно изображение в гробнице Чий (GT:CXV), помещенное налево от старшего пастуха, наблюдающего за доением коровы, и непосредственно над поением теленка и прикармливанием быка. Поскольку оба последних изображения не заполняли собою пояса доверху, вверху оставалось пустое пространство, которое и было заполнено нашим

изображением. Что изображенные предметы принадлежали скотоводам — несомненно ввиду скотоводческого окружения, но, точно для того чтобы у зрителя не осталось и тени сомнения, художник изобразил рядом с ними теленка. Последний непосредственно примыкает к спине надзирающего за доением начальника и отделяет его собою от скатанной наподобие кресла циновки, на которую положены скатанный петлею и перевязанный тростниковый плащ и длинный прямоугольный мешок. Так как на такого рода «креслах» часто сидят старшины скотоводов и рыбаков, можно предположить, что названные три вещи принадлежат стоящему рядом неподалеку от них старшине, но такое предположение отнюдь не обязательно, так как на подобных «креслах» не менее часто восседают в болотах и рядовые работники, не облеченные никакою видимой властью. Левее «кресла» стоит продовольствие: большой сосуд с высоким горлышком и такой же малечький, несколько чаш с какою-то едою и два стола: один — с двумя ощипанными птицами, другой — с двумя островерхими и одним продолговатым хлебами. В силу изложенных соображений можно предположить, что и все продовольствие предназначалось для старшины, но только это никак не обязательно. Напротив, заслуживает внимания, что так же как мы наблюдали под навесами с довольствием, последнее и здесь размещено частично по вещественному сродству предметов: вся птица на одном столе, все хлебы на другом. В этой связи можно указать на то, что непосредственно ниже, в следующем поясе, над работниками, трудящимися над обработкою папируса, точнее, над изображенным вверху двух других, помещены два сосуда с горлышками и между ними глубокая сумма. То и другое навряд ли могли иметь какое-нибудь производственное назначение и, наверно, содержали еду и питье. Совершенно неправдоподобно также, чтобы они принадлежали старшине, стоящему спиной к работникам и всецело поглощенному переправою вброд его стада. Однако соседство со скотоводческим изображением указывает на то, что работники, занятые обработкой папируса, сами скотоводы и приготовляют обычные у пастухов тростниковые плащи.

От припасов, рассчитанных на всех пастухов, кормились, конечно, и их непосредственные начальники, и притом в первую очередь и, надо думать, особенно обильно. Потому неудивительно, что некоторые изображения посвящены исключительно их кормлению. В гробнице 'хт-хътп (MPAS II:XVII) около и выше явно скотоводческих изображений представлен целый пир в одиночку. Посередине богато убранный стол — налицо даже благоуханные лотосы, — ломящийся от кушаний. Не все из них уцелили, но и уцелевших достаточно, чтобы судить об изысканности угощения: хлеб, виноград, кошель со смоквами, посуда с какими-то яствами... Пирующий сидит направо от стола на сложенной в виде кресла циновке. Это

«старшина», хотя неизвестно чего, так как надпись дальше разрушена. Старшина проголодался, во всяком случае, поднося одною рукою ко рту кочан зелени (салата латука), он другою тащит к себе со стола жареного гуся или утку. Налево от стола нагой пастушок держит наготове высокий сосуд с каким-то напитком. Несколько скромнее угощение в гробнице *Хѣтп-хѣр'-хт*(*й*) (DAR:XIV). Над двумя поясами скотоводческих изображений в углу третьего пояса показано кормление начальника, и, хотя рядом и в следующем поясе изображения, касающиеся рыболовства, сходство данного кормления с описанными выше и тем, что будет описано вслед за ним, настолько велико, что в принадлежности этого начальства к скотоводам, а не к рыболовам вряд ли стоит сомневаться. На этот раз старшина сидит прямо на земле, но зато под легким навесом, подпертым тоненькими столбами. К потолку подвешены взрезанная рыба, ощипанная утка, живая еще птица и какой-то неизвестный предмет. На полу стоит глубокая корзина с сосудами с пивом — явственно различима глиняная шапка на одном из них, — хлебом, чашей с каким-то кушаньем и кочаном зелени (салата латука). Поверх всей снеди лежит скатанный петлею и перевязанный тростниковый плащ. Перед начальником опять стоит нагой пастушок, только на этот раз он подносит свой высокий сосуд непосредственно к устам старшины. Что за напиток был в сосуде — неизвестно, но, очевидно, такой, который мирился с чесноком или луком, пучок которого угощающийся, по-видимому, держит в руке. Еще скромнее выглядит кормление в гробнице *Схм-снх-пtxъ* (GAR:LXXXV), хотя и здесь дело происходит под таким же легким навесом на столбиках и начальник, не выпуская из рук своего посоха, восседает на скатанной в виде кресла циновке. К потолку навеса и здесь подвешены две взрезанные рыбы, кусок мяса, живая птица и какой-то полуразрушенный предмет, зато на полу стоит только большой сосуд с маленьким закупоренным горлышком. Нагой пастушок, стоящий перед начальником, на этот раз подносит к его устам широкую чашу, надо полагать, с молоком, так как тут же перед навесом под наблюдением «начальника хлева» доят корову. Что угощающийся — старшина — тоже скотовод, в том не может быть никакого сомнения: рога и нос коровы прямо заходят на навес, а над данным — нижним — поясом, заполненным доением и угощением, несколько поясов сплошь скотоводческих изображений.

Можно спросить себя, являются ли навесы с продовольствием, в которых трапезуют старшины у *Хѣтп-хѣр'-хт*(*й*) и *Схм-снх-пtxъ*, их личными пристанищами на пастбищах или своего рода общими столовыми, в которых они только в данный час угощаются. Скромные размеры навесов могли бы говорить в пользу первого решения, однако размеры эти могли быть только изобразительной условностью, как то на каждом шагу имело место в староегипетском искусстве: изображать на-

вес во всю его длину и ширину, когда имелось в виду изобразить только одного обедающего, было не только не обязательно, но под углом зрения тогдашнего искусства, пожалуй, даже неуместно. С другой стороны, эти навесы живо напоминают изображенные в гробницах *Схм-снх-пtxъ* и *Чий*: у первого — на поле с припасами для земледельцев, у второго — в болотах с самими птицеловами и их имуществом. Те же тонкие столбики, вбитые прямо в почву и снабженные сверху распорами, в которых лежат потолочные жерди. Как там, так и здесь стоят на земле и свешиваются с потолка всевозможные припасы. Даже «кресла», скатанные из циновок, одинаково налицо как в «хижинах» скотоводческих старшин, так и в пристанищах птицеловов (двою из них сидят на таких «креслах»). Таким образом, не так уж невозможно, что в тех и других случаях представлены сооруженьица одинакового назначения, навесы для работников и их старшин, снабженные необходимым продовольствием, которым, в первую очередь конечно, располагают начальствующие лица. В пользу такого допущения говорит также способ подачи продовольствия на изображении старшины у *Хътп-хър'-хт(й)*. Здесь угощающийся старшина отделен от корзины с припасами поясним его пастушком, и сама эта корзина с большими закупоренными пивными сосудами, заваленными поверху хлебами и другой снедью, настолько напоминает такие же корзины под навесом и под открытым небом на поле у *Схм-снх-пtxъ* и у ног закусывающего жнеца у самого *Хътп-хър'-хт(й)*, что невольно приходит на ум мысль: *мы повсюду имеем дело с продовольствием одинаковой укладки и одинакового назначения — для людей, занятых в хозяйстве вельможи.*

Заслуживает внимания, что такую же укладку такого же продовольствия в совершенно таких же корзинах можно наблюдать постоянно там, где показаны представительницы или представители селений, доставляющие свои поставки хозяину (указания на издания см. в разделе о поселениях). Нет потому ничего невозможного в том, что корзины с продовольствием и вообще довольствие, которое мы видим вынесенным на поля, луга, в болота, в зависимости от места работы селян, выделялось им сооружениями селений или сельских рабочих дружин и этим довольствием на месте работы пользовались как работники, так и их старшины.

Некоторое затруднение представляют в этом отношении скотоводы. Большинство из описанных изображений, касающихся питания пастухов и их старшин, имеют местом действия Низовье. У *Схм-снх-пtxъ* скотоводческие изображения примыкают непосредственно к изображению больших папирусных зарослей (GAR:LXXXV), у *Снджм-йб* плащи изготавливаются пастухами из папируса, равно как и *Чий*, причем у последнего приписка к изображению вельможи объявляла его смотрящим на «работы всякие Низовья». У *Хътп-хър'-хт(й)* кормление

старшины находится в окружении, также указывающем на болотистое Низовье: выше изображен лов рыбы, рядом — ее построение и изготовление тростниковых плащей. Изображения у *K'-м-снх* и в безымянной гробнице не содержат никаких указаний на место действия, и только на куске гробничной стены кормление «распорядителя соединений» соседит с молотьбой, указывающей, быть может, хотя отнюдь не обязательно, на Верховье. Как показано в соответствующем разделе, скот уже в Старом царстве перегонялся на подножный корм в топкие равнины Низовья, а оттуда обратно в расположенные южнее хлева. Если пастухи принадлежали к населению поселков, прилегавших к этим хлевам, им надо было забирать при переселениях на значительное время на низовые пастбища большее количество продовольствия из мест своего жительства или же получать его на севере из тамошних владений хозяина. Второй способ снабжения, пожалуй, правдоподобнее, так как нигде, насколько я знаю, нет указаний, чтобы сколько-нибудь значительные перевозочные средства использовались пастухами при их переселениях.

Изображения кормления рабочих дружины и их начальников в гробнице *K'-гм.н.(й)* и выдачи продовольствия ткачихам и их руководству в гробнице *Птхъ-хѣтп* свидетельствуют со всей возможной для таких источников определенностью о получении работниками и их руководителями довольствия из вельможеского хозяйства. Прочие изображения, описанные в ходе предшествующего повествования, не могут, конечно, равняться с теми двумя по определенности показаний, но и среди них есть относительно яркие, как еда работников на поле у *Хѣтп-хѣр'-хт(й)* или навес с продовольствием на поле же у *Схм-снх-птхъ*. Даже простые кучки продовольствия, которые на первый взгляд могут показаться только художественным средством заполнения пустот над низкими изображениями, при вдумчивом подходе и в общей связи становятся ценными свидетельствами. Можно ли их, в самом деле, оторвать от изображений, где они, так сказать, показаны в действии, где мы, как у *Хѣтп-хѣр'-хт(й)*, видим воочию, как таким продовольствием пользуются работники, или, как на изображениях кормления старшин, оно непосредственно включено в состав обеденной обстановки? Как можно обосновить горку продовольствия на пашне у *Схм-снх-птхъ* от навеса с едою и питьем на том же изображении, явно выходящем ввиду наличия постройки за пределы ничего не значащего заполнителя пустоты? В своей совокупности и второстепенные источники, дополняя и подкрепляя друг друга, говорят достаточно красноречиво о продовольственном снабжении людей, занятых в вельможеском хозяйстве, непосредственных производителей и их производственного начальства, и тем самым вторят большим изображениям в гробницах *K'-гм.н.(й)* и *Птхъ-хѣтп*. Такое единодушие показаний само по себе доказательно.

«ЗАПОВЕДНИКИ» (§ 26)

Староегипетские надписи не раз упоминают хозяйственное учреждение *ин‘в*, или «дом *ин‘в*». Распространено мнение, что то было не только складочное помещение, но и что-то в роде римского *ergastulum* — места, где содержались и работали рабы, особенно занятые в земледелии. Если бы это было так, то изучить «дом *ин‘в*» стало бы первоочередной задачей всякого, кто хотел бы понять староегипетское производство. Только на деле это заведение нечто иное, чем *ergastulum*.

Мнение о нем как о таковом возникло под впечатлением от обельных грамот V и VI царских домов, но грамоты — мутный источник, и потому для начала лучше почерпнуть сведения из надписанных изображений.

Четыре раза в гробницах сановников V и VI царских домов изображено хозяйственное заведение, которое по сопроводительным припискам, бесспорно, то, которое нас занимает. Подробнее всего оно показано у Чий (GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX=TT:LXVI=LXVII+LXVIII+LXX+LXXI, с неточностями). Уже внешне изображение представляет собой замкнутое целое. Оно занимает целиком узкую стенку в одном из гробничных помещений и ограничено по верху и по бокам узорным ободком. Внутри оно разбито на семь равновеликих ярусов. В первом снизу изображена приемка изделий заведения, именно хлеба, «управою дома собственного», во втором — печение колоколообразных хлебцев, в третьем — растирание зерна и просеивание муки через сито, в четвертом — то же и толчение зерна в громадной ступе, в пятом — приготовление и печение продолговатых хлебов, в шестом — пивоварение, вымазывание сосудов глиною, разливка по ним пива и закупорка, в седьмом — гончарное производство. Старое царство варило пиво из печеных ячменных хлебцев, какие показаны во втором ярусе. Отсюда — неразрывная связь пивоварения с хлебопечением. Изделия гончаров в верхнем ярусе — почти сплошь пивные сосуды, предназначенные для пива, которое варят рядом. Все эти производства не только изобразительно, но и по сути дела взаимосвязаны, представляют одно производственное целое — хлебо-пивное — с привходящим гончарным. Название этого производственного целого трижды указано в приписках. Внизу

отчитывается перед у правою, полулежа на земле, введенный приставом с палкою «распорядитель *шн^св*», посередине изображения за работами наблюдает, опершись на посох, «распорядитель дома *шн^св*», а вверху, среди пивоваров, стоит с ведомостью под мышкой «писец дома *шн^св*».

Второе по обстоятельности изображение *шн^св* находится в гробнице *Й-н-нфрт* (AeGGASK:IV—VI=26—31). Большинство изображенных производственных действий находит себе прямое соответствие у *Чий*: толчение зерна в большой ступе, расстирание его, просеивание, печение островерхих хлебцев, пивоварение, вымазывание сосудов, закупорка, приготовление и печение округлых хлебов. Гончаров нет, но зато показаны очистка фиников и приготовление из них напитка (?) и — что особенно существенно — жарение птицы, варка мяса и тут же на вес со снедью, преимущественно мясом и птицею, но также хлебами, сосудами и огурцом (?). Хотя в полуразрушенной приписке к пивовару упомянуты рядом «дом *шн^св*» и «бел* дома пива (?)» (AeGGASK:VI=27, где за *хъджт*, видимо, неточно прочтен знак хлеба вместо знака сосуда), однако должностное лицо в выступающем вперед переднике и с палкою (?) в руке, представленное с краю всего изображения надзирающим за работою, не кто иной, как «распорядитель *шн^св*» (AeGGASK:VI=26).

Опущенная у *Й-н-нфрт* приемка изделий подробно показана на третьем изображении, помещающемся в гробнице *нх-м-с-хър* (RTS:XXV=GAR:LXXII). Здесь, как у *Чий*, писцы ведут запись и сдаваемый хлеб принимают с помощью особого прибора, только кроме разных хлебов, округлых и больших остроконечных, тут принимают еще жидкости, из которых одну лют из большого широкого, другую из маленького узкого сосуда. Уцелела лишь часть изображения, но тем не менее с правого края его можно как будто распознать; надпись: «[Распоряди]тель *шн^св* дома собственного». Первое слово несколько сомнительно, потому что обнаженный мужчина позади корзины с хлебами, над которым непосредственно помещена надпись, не очень похож на начальственное лицо, а к одному мужчине впереди корзины надпись навряд ли может относиться. Слово *шн^св* читается в RTS:XXV довольно отчетливо. Слова «дома собственного» не подлежат сомнению.

От четвертого изображения изданы надписи, но собственно изображение, насколько знаю, лишь описано, и притом вкратце, AVAeAG:57. Судя по всему, оно близко напоминает предшествующее, так как и тут сидят «писц(ы) житницы», а перед ними трое подотчетных лиц опускают свои изделия «в большие чаши», очевидно, те же поверочные приборы, что и изображенные в других гробницах. Приписки к подотчетным лицам содержат каждая титло «распорядитель *шн^св*» и название из-

* В рукописи пропуск в три буквы.

делия «(островерхий) хлеб (*хъч*)», «пиво», «(округлый) хлеб (*пзн*)», причем каждый раз название написано под титлом. Не представляя себе ясно соотношения надписей и изображений, трудно решить, правильно ли присоединять название изделия к титлу в виде уточняющего определения: «распорядитель *шн^{св}* (островерхого) хлеба», «распорядитель *шн^{св}* пива», «распорядитель *шн^{св}* (округлого) хлеба» — так поступает описание,— или же лучше не объединять титло с названием, относя «(островерхий) хлеб», «пиво», «(округлый) хлеб» к тут же изображенным предъявляемым изделиям. Ввиду отмеченного самостоятельного положения названий трех припасов под титлами второе решение, пожалуй, предпочтительнее, но нуждается в проверке по изображению. Как и в гробнице *‘нх-м-с-хър*, на данном обломке сохранилось только изображение приемки изделий, но очень возможно, что продолжение его, кусок того же развернутого изображения *шн^{св}*, имеется на другом, известняковом же обломке, поступившем в Берлинский музей в том же, 1898 г. от одного и того же лица — Райнхардта — и получившем соседний с тем обломком номер (№ 14106 и 14107). Описание считает происхождение обоих обломков из одной гробницы вероятным. Изображено на втором обломке толчение зерна или чего-то сходного в большой ступе тремя людьми. Такую ступу с двумя или тремя толкующими мы дважды встречаем на изображениях изучаемого нами заведения.

Помимо этих четырех случаев, где тождество изображенного заведения с *шн^{св}* или «домом *шн^{св}*» удостоверено приписками, в староегипетских гробницах имеется еще несколько изображений, настолько совпадающих по содержанию с описанными, что в тождестве изображенного на них заведения с *шн^{св}* невозможно сомневаться.

Изображение в гробнице *Иххай* (GAR:LXXI=MKhCI:IX) поделено на пять поясов. В нижнем в присутствии ведущего запись писца (приписанная ему речь почти дословно совпадает с речью писца у *‘нх-м-с-хър*) принимаются с помощью тех же поверочных приборов, что у Чай и *‘нх-м-с-хър*, пиво, круглый и остроконечный хлеб. Во втором поясе снизу наливается в посуду пиво — и в присутствии писца, — судя по одной из приписок, деревянное масло. В последнем случае жидкость льется из узкого маленького сосуда, тогда как в нижнем поясе проворяющее пиво льется из крупного широкого сосуда, совсем как у *‘нх-м-с-хър*, где содержимое широкого и узкого сосудов должно быть тоже соответственно пивом и маслом. Часть второго пояса у *Иххай* занята изображением пекарей, накаливающих изложницы для круглых хлебов, однако продолжение этого изображения помещается в пятом снизу поясе, где показаны приготовление и печение круглых хлебов. Третий пояс показывает учет зерна из житницы, четвертый — отчет «властелей дворов» перед хозяином и писцами и палочную расправу с неисправными подотчетными. Связь пекарни-пивоварни с житни-

цею, откуда им поступало зерно, самоочевидна, но и отчет властелей не был уж вовсе посторонним предметом. В руках у переднего мужчины из числа тех, что вводят властелей перед управу, видны мешочек и сосуд, из которого для большей ясности жидкость показана изливающейся. На изображении отчета должностных лиц в гробнице *Шпсс-р^с* (DAeAe II: LXII) предъявляемые образцы зерна или зерновидного плода (*nx*, *йхий*) находятся не только в мисках, но и в мешочках, в частности таких же узких и длинных, как у *Иххий* (приписки к мужчинам с мисками: «достав[ка] *nx*», «доставка *йхий*», к мужчине с миской и округлым мешком: «достав[ка] *nx*», к мужчине с миской и узким мешочком: «доставка *nx*», чтобы видеть кое-что»; перед предпоследним мужчиной — «распорядитель дома» без приписки, но с узким мешочком). Если и у *Иххий* управе предъявляются образцы зерна и масла, произведенного «дворами», то отчет властелей мог иметь прямое отношение к *шн^св*, потреблявшему то и другое, как показано тут же на других изображениях. К сожалению, ни одна из многочисленных приписок у *Иххий* не называет заведения по имени, но в том, что оно то же, что и изображенное у *Чай*, *И-н-нферт*, невозможно усомниться. Что это заведение у *Иххий* не государственное, а вельможеское, доказывает постоянно повторяющаяся у писцов приписка: «писец дома собственного».

В еще более широкое хозяйственное окружение рассматриваемое заведение вставлено на изображении из гробницы *K'-м-рмч* (DARMK:XLVIII, 1534 A—B=233—234). Если в нижнем поясе, непосредственно под поясом с нужным нам изображением, представлены всевозможные ремесла, к пищевому производству не имеющие отношения, то в третьем поясе снизу мы находим опять учет зерна и отчет властелей перед писцами, но на этот раз уже явно в зерне, так как они изображены посередине между отмериванием зерна и житницами. То, что осталось от верхнего — четвертого снизу — пояса, посвящено самому производству зерна: видны уборка хлебов в скирды и веяние. В занимающем нас втором снизу поясе все та же совокупность хорошо нам известных хлебо-пивных изображений: вымазывание глиною и наполнение пивной посуды, закупоренные сосуды, пивоварение, толчение зерна, растирание зерна, просеивание, приготовление и печение продолговатых хлебов. Менее подробно изображение, сохранившееся в гробнице *Сим-нфр* IV (G XI:159), но и здесь мы находим объединенными в одно целое толчение, растирание зерна, просеивание, печение островерхих хлебцев, вымазывание пивной посуды, закупоренные сосуды с пивом. Ср. далее гробницы *H(и)-вдж'-пtxъ* (ExG:109—115); *K'-м-снх* (G IV:VIII); *Пий* (RTM V:XLIV); *Мний* (RTM V:XLVIII); обломок AVAeAG:57=AIKMB:23 и — с изображениями отчета — гробницы *снх-м-с-хър* (RTS:XXV) и *Tn-м-снх* (GKN:123—124); ср. и ложную дверь (*И*)*г-х'x'* (SPhE:I).

Таким образом, в составе вельможеского хозяйства имелось особое заведение, соединявшее в себе пекарню и пивоварню, с придачей — по меньшей мере иногда — подсобного гончарного производства. Печение хлеба и пивоварение были явно основным назначением этого заведения, но это не мешало ему соединять в себе еще какие-нибудь поваренные производства, например готовить мясные блюда. Эта своеобразная пищевая, преимущественно хлебо-пивная, мастерская и была *шн^св* или «домом *шн^св*». Ткацкие и иные ремесленные мастерские в составе вельможеского хозяйства — меднические, золотарные, камнедельческие, древодельческие, кожевенные — имели свои обозначения и ни разу не назывались «домом *шн^св*». Равным образом ни одно земледельческое изображение в вельможеских гробницах не указывает на принадлежность землепашцев к «дому *шн^св*». Поскольку этим «домом» было заведение, производившее хлеб и пиво, все это только естественно.

А были ли таковыми храмовые «дома *шн^св*», упоминаемые царскими указами? Одна обельная грамота и два послания посвящены целиком «дому *шн^св*».

В указе царя *Нфр-к'-р^с* *Пий II* (UAR:288—293) от разных государственных повинностей освобождается принадлежащий храму Мина в Кэбто «двор» по имени «Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*»; и «этот двор», и чадь (*мрт*), вместе с которой он обеляется и которую запрещается привлекать для государственных работ, не просто храмовые владения или люди, но «двор „Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*“, что от *шн^св*» (*хъвт срвд мнв нфр-к'-р^с нт шн^св*), и «чадь, что от дома *шн^св* этого» (*мрт нт пр шн^св пн*). И почему нельзя отвлекать людей «двора» от исполнения их непосредственных обязанностей, что этим запретом достигается? «Не дало величество (моё) творить им работы эти сверх того, что достигает (т. е. касается?) — — — жертвы дома *шн^св*, [из желания, (чтобы)] жречествовали, собирали месяц (т. е. приносили месячные жертвы), сторожили [каз]ну божью во дворе (т. е. храме) Мина в Кэбто в долготу вечности». Значит, данный «двор» служил прежде всего для обеспечения храма жертвами. Заметим сочетание «жертвы дома *шн^св*» и сопоставим с ним повторное запрещение брать людей данного заведения для обслуживания «другой жертвы божьей» (*кий хътп-нчр*). Все это как нельзя лучше согласуется с представлениями о *шн^св* как съестном производстве, полученном на основании данных вельможеского хозяйства.

Второй указ касается того же «двора», только издан после смерти *Нфр-к'-р^с* *Пий II* одним из его преемников (UAR:293—295). В этом указе как «двор» не просто «двор» храма, а «двор „Укрепляет Мин *Нфр-к'-р^с*“ дома *шн^св*», так и жертвуемая «пашня» становится не просто храмовою землею, а «пашнею дома *шн^св* этого». Назначение ее указано самою надписью: «— — — пашня эта, чтобы сотворить жертву божью там для Мина в Кэбто как постоянную жертву [всякого дня].

внеочередную жертву праздников всяких — — — там». Сходное назначение имела, видимо, и пашня, выделенная кумириу покойного царя. Заметим и само обозначение дара, посвященного, согласно концу надписи, со всею обрядовой торжественностью: «Жертва, данная царем, данная им жертве божьей его (т. е. Мина)». Таким образом, и второй указ ставит «дом *шн^св*» в связь с жертвами, т. е. пищевыми изделиями, и повелевает «набрать чадь (*мрт*) в дом *шн^св* этот из чади — — —», из какой, к сожалению, неизвестно.

От третьего указа мало что осталось; по времени он приналежит тоже исходу Старого царства (UAR:303—304).

И в этой грамоте «дом *шн^св*» оказывается тоже в окружении жертвоприношений, притом самых что ни на есть съестных, от которых «насыщаются» идолы.

Таким образом, три указа, посвященные дому *шн^св*, не только поддерживают распространенное представление о нем, но и указывают, хотя и совсем не так ясно, как гробничные изображения, что он был продовольственной мастерскою. Возможно, что мнение о доме *шн^св* как земледельческом работном доме обязано своим происхождением особенно обельной грамоте царя *Нфр-йр-к'-р^с* храму в Эбите, хотя она и не посвящена в целом дому *шн^св*.

Эта обельная грамота имеет в виду охрану жреческого землепользования, жреческих личных земледельческих хозяйств, ведущихся на храмовой земле, выделенной за службу, с помощью работников — «чади» (*мрт*). Грамота определенно «земледельческая». Но следует ли отсюда, что и кары, налагаемые на нарушителей ее установлений, обязательно земледельческие? Разумеется, нет. «Направиши ты его (т. е. правонарушителя) в дом *шн^св* двора божья, (причем) помешен будет [сам] он на дело [всякое], или место пахоты ячменя — — — — » (*м^с.к св р пр шн^св хбвт-нчр м шср нб [р']-пв ст ск'йт* — — — —).

Отнесение к «дому *шн^св*» одного «дела всякого» с противоположением «места пахоты» не «делу всякому», а «дому *шн^св*», бесспорно, правильно. Выражение *м...ст ск'* не может значить «в место пахоты», потому что в одной из обельных грамот VI царского дома возбраняется пахать соответствующие пашни «месту пахоты чади жены царевой, месту пахоты чади детей царевых, месту пахоты чади (царского) друга (или) сановника» (UAR:210). Иначе, *ст ск'* — устойчивое обозначение определенного хозяйственного установления, и в грамоте *Нфр-йр-к'-р^с* в действительности дом *шн^св* противополагается месту пахоты.

Противопоставление *шн^св* и одноименного с ним установления *шн^свт* земледелию — обычное явление как раз в староегипетских царских указах.

В упомянутой выше грамоте *Нфр-к'-р^с* Пий II соответствующее место написано так:

«кто будет	приставником (чего-то) пашенного (или) распорядителем дома $шн^св$	от	городца этого (или) дома $шн^св$ этого».
------------	--	----	--

«Городец», или поселок,— это тот «двор „Укрепляет Мин *Нфр-к'-рс*”, что от $шн^св$ этого», который расположен на «холме», как полагается египетскому селению ввиду угрозы затопления половодьем, и вместе со своею «чадью» «охранен» и «защищен» царским указом. Из упомянутого тоже распоряжения преемника *Нфр-к'-рс Пайи II* земледельческое назначение названного «двора» вытекает достаточно ясно, так как пашня, передаче которой храмовому дому $шн^св$ посвящен указ, чуть ли не сама объявляется тем «двором»: «Пашни сот 3 в (области) „двух богов“ — управа (?) — — — — урочная (работка) (?) умиротвор(ил) он — — — отрезать ее, половина сотворена пашнею, [нав]одняемо — — — сотворя(ют?) имя ее „Двор Укрепляет Мин *Нфр-к'-рс*“. Так же и областной князь *Ибий* заявляет у себя в гробнице, что то-то и то-то имело место, «когда я (был) владельцем двора дома $шн^св$ пашни 203 сот, данной мне величеством владыки (моего), чтобы (хозяйственно) укрепить (меня)» (UAR:145). Поскольку, как мы видели, и «чадь» «двора», и пашня должны были обеспечивать храмовые жертвоприношения, «двор», очевидно, снабжал дом $шн^св$, к которому был приписан. Тем самым в выделенном месте из грамоты *Нфр-к'-рс Пайи II* противоположность между земледельческим производством, которое осуществляется принадлежащее дому $шн^св$ селение («городец»), и самим домом $шн^св$ выражена как нельзя лучше.

Менее резко противопоставление в другом указе VI царского дома, где обельные люди и предметы, выделенные для заупокойной службы по царской родне, перечислены в таком порядке (UAР:307):

«слуга божий (т. е. жрец)	дома,
(и)	пашня ('хът), городцы,
слуга двойника (т. е. заупокойный жрец)	дома $шн^св$, чадь».

Однако и тут дома $шн^св$ обеляются как особая хозяйственная величина, стоящая рядом с пашнями, как самостоятельное заведение, имеющее свое хозяйственное задание. Обелять постройку или очаг для сельскохозяйственных работников никто бы, конечно, не стал, а что под домом $шн^св$ разумеется не совокупность работников, доказывает упоминание «чади» в конце перечня.

Наконец, дом $шн^св$ упоминается еще в двух царских указах — обельных грамотах *Нфр-к'-рс Пайи II*, данных всей совокупности служащих и работников храма Мина в Кэбто. В первом указе обеляются, в частности, «дом $шн^св$ (с опреде-

лителем мужчины и женщины, следовательно, работников этого заведения) (и) горшечники» и еще раз «дом *шн^{св}* (и) горшечники эти» (UAR:282).

Рядышком были названы «дом [*шн^{св}*] (и) [гор]шечники» и во втором указе (UAR:284).

Слово *к^хдв*, переведенное как «горшечники», написано знаком *к^хд* с сопроводительным изобразительным знаком стены и могло бы само по себе быть переведено как «строители». Первый перевод мне кажется тут уместнее, потому что не совсем понятно, зачем стародавнему и, очевидно, скромному по размерам, как и другие староегипетские городские святилища, кэбтоскому храму нужны были бы постоянные работники — «строители»? Напротив, горшечники при употреблении глиняной посуды для хранения не только жидкостей, но и других припасов были необходимы всякому большому хозяйству. Если бы действительно имелись в виду горшечники, упоминание их неизменно сразу за домом *шн^{св}* было бы как нельзя более естественным. Вспомним горшечников на изображении дома *шн^{св}* в гробнице Чай, работающих преимущественно пивную посуду для своих соседей-пивоваров. То, что «дом *шн^{св}*» написан в указах с сопроводительными знаками мужчины и женщины, побуждает думать, что речь шла не только о хозяйственном сооружении, сколько о совокупности занятых в нем работников. Во всяком случае, эти последние или их заведения выделялись из храмовой «чади» вообще (*мрт*), которая во всех трех случаях названа особо и представляла по преимуществу земледельческую рабочую силу. Тем самым даже эти глухие упоминания дома *шн^{св}* отнюдь не говорят в пользу того, что он мог быть земледельческим *ergastulum*.

Помимо надписанных хозяйственных изображений и царских указов *шн^{св}*, или дом *шн^{св}*, многократно упоминается и другими староегипетскими памятниками и во многих случаях совершенно недвусмысленно как пищевое производство.

В староегипетской летописи, на так называемом Палермском камне, под правлением царя V дома *Нфр-йр-к'-р^с* значится:

«Царь (и) государь *Нфр-йр-к'-р^с* сотворил как памятник [свой] солнц[у] — жертвеник I на стене властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 210.

Царь и государь *Нфр-йр-к'-р^с* сотворил как памятник [свой] Хатхор — жертвеник I на стене властелина, постоянную жертву [дня] всякого, жертв божьих 203.

Сотворены были дома *шн^{св}* для этого, набрана была чадь для этого» (UAR:247; подчеркнутое одною чертою — общее начало для нескольких разделов, выписанное во главе их; подчеркнутое двумя чертами — выписанное единожды в данном отрывке, но относящееся к обоим сообщениям).

Дома *шнсв* и здесь поставлены в связь с жертвоприношениями, и эта связь особенно заметна благодаря учреждению для каждого из обоих жертвенников по своему дому *шнсв*. Если дом *шнсв* приготовлял жертвенную еду, то это было только последовательно. И заметим, что говорится только о жертвенниках, их домах *шнсв* и о набранных туда людях, без малейшего намека на какие-либо земли для содержания жертвенников.

В связи со сnedью же назван дом *шнсв* в жизнеописании областного князя *Хв.ф-хър*. Когда князь возвращался с зарубежного юга, везя в дар мальчику-фараону представителя одного из тамошних карликовых племен, двор проявил особую заботу о поспешавших в столицу путешественниках.

«Доставлены были приказы властителю города нового, другу (цареву), распорядителю слуг божьих (т. е. жрецов) [всякому (?)], чтобы приказать брать довольствие из руки его во дворе всяком дома *шнсв*, во дворе божьем (т. е. храме) всякому, не творя охранения там (т. е. несмотря на обеление)» (UAR:131).

Чрезвычайно поучительны и титла должностных лиц, ведавших домами *шнсв*. Еще в начале IV царского дома обладатель бесчисленных званий *Пхъ-р-нфр* величал себя между прочим «распорядителем дома *шнсв* внутренней (страны, т. е. Верховья) пивовар(ов), распорядителем дома *шнсв* Низовья пивовар(ов)» (ZASA LXXV:68). Лучше выразить пивоварное назначение изучаемого заведения трудно.

Придворный *Ирв* состоял «распорядителем дома *шнсв* завтрака царева» (G III:61=XXI 1, 63=XXIV, 66), а жрица [Хатхор] *Хъкнв* — «наставницею дома *шнсв* завтрака царева» (AIKMB:67). Связь дома *шнсв* с едою сквозит и в титле «(тот), кто при вещи царевой, распорядитель дома *шнсв* жертвы божьей *Нфр-хътпв*» (AIKMB:28).

В других титлах заведование домом *шнсв* упоминается рядом с должностями, явно связанными с приготовлением пищи: «(тот), кто при вещи царевой, наставник пекарей завтрака царева, распорядитель дома *шнсв* 'х-йб» (GR:VII A), «охладитель (напитков?) дома большого (т. е. дворца или двора), распорядитель варки (или: печения, фст)... джр», и он же «любимый владыкой своим, состоящий в чести у бога большого, распорядитель дома *шнсв* (храма) „Место сердца солнца...“» (DARMK:23), «направитель шатра (обычное звание управляющего столовой у больших господ), распорядитель дома *шнсв* (такой-то)» (RIEMRCB:7).

Возможно, что кое-какие из перечисленных званий имели в виду дом *шнсв* не столько как место, где приготавлялась пища, сколько как место, где она находилась по приготовлению. Вспомним вереницы закупоренных пивных сосудов на изображениях дома *шнсв*. Предположить двойное назначение домов *шнсв* как мест производства и мест хранения пищи вполне

естественно. И действительно, встречаются указания на «дома *шн^св*» как на складочные помещения для пищи.

В гробнице верховного сановника *Mrr-w (й)-к'* имеется пять комор по числу пяти черед поминальных жрецов с надписями над входом в каждую из комор, указывавшими, которой из пяти черед данная комора служила *шн^св* (ММ:CXCIX). Очевидно, череды складывали, а может быть, и подготавливали для приношения умершему в этих *шн^св* жертвенные припасы. Надписанные именами поминальных жреческих через *шн^св* имелись и в гробнице *M"-нфр* (АИКМВ:112—117).

В гробнице верховного сановника *'хт-хѣтп* было обнаружено пять кладовых, из которых некоторые были в два яруса. Около входа в одну из них была найдена плита, помещавшаяся некогда над входом и содержащая надпись: «Великой череды (имя одной из пяти поименованных жреческих черед) *шн^св* под рукою (т. е. в ведении) судьи, старейшины палаты, наставника слуг двойника (т. е. поминальных жрецов) *Ббй* (и) надзирателя слуг двойника *Имй*» (ASAE XXXVIII:514).

В домах *шн^св* сообразно с их хлебопекарным и пивоваренным назначением мы могли бы ожидать известные запасы готового хлеба и пива. Однако, поскольку дом *шн^св* имел в своем составе кладовые, ими могли пользоваться и для хранения изделий, самим заведением не производившихся. Насколько вместительны должны были быть хранилища дома *шн^св*, можно судить по тому, что в заведении, изображенном в гробнице *Чай*, рассчитанном на множество работников и производившем в основном хлеб и ячменное пиво, была «житница, которая в доме *шн^св* с нарезком (?) потребы месячной» (ТТ:LXVI, LXX=GT:LXXXIV=GAR:LXX). Что содержимым этой житницы была не месячина для работников, а месячный запас для производства, доказывает само изображение: изымающее из житницы зерно поступает тут же в работу (один мужчина набирает зерно из житницы в кадь, другой подсыпает его из кади молольщикам).

Итак, изобразительные и письменные свидетельства совершенно единодушно доказывают, что староегипетский дом *шн^св* был производственным заведением, приготовлявшим пищу, преимущественно хлеб и пиво, а также — по меньшей мере иногда — необходимую для последнего посуду и одновременно служившим складочным помещением для изделий — как собственных, так и посторонних. Возможно, что вторая особенность и заслужила нашему учреждению его имя, так как *шн^св*, естественно, хочется сопоставить с глаголом *шн^с* «возбраниять». Если бы слово *шн^св* было действительно такого корня, оно могло бы значить что-то вроде «заказанный», «заповедник», «затвор». Собственно, «заказанными» были, вероятно, склады; во всяком случае, на изображении дома *шн^св* у *Чай* мы застаем в рабочем помещении ребенка (TT:LXVI=GT:LXXXIII—

LXXXVI=GAR:LXX), также на ложной двери (*И*) *t-x'x'* (SPhE:I).

Попытаемся теперь связно изложить, насколько позволяют нам источники, кто и как трудился в доме-заповеднике и как дом-заповедник был устроен.

Выше были приведены данные и сделаны соответственные выводы касательно земледельческих «дворов», приписанных к дому-заповеднику, очевидно, в целях снабжения его. Такие «дворы» (*хъвт*) дома-заповедника вряд ли чем отличались от прочих земледельческих дворов, изученных в § 15—17 этой работы. Как мы видели выше, в состав «двора» дома-заповедника входили пашни (UAR:293—295); люди, обелявшиеся в связи с устройством и обелением двора дома-заповедника, были той же «чадью» (*мрт*) (UAR:288—293), считавшейся «чадью» дома-заповедника (UAR:293—295), во главе двора дома-заповедника стоял, как у обычного двора, «властель двора» (*хъкъ хъвт*, G III:95). Возможно, что всякий рядовой властель двора дома-заповедника привлекался к такому же сугубому отчету перед управою, как те властели дворов, что изображены в связи с домом-заповедником в гробнице *Ихх* (GAR:LXXI==MKhCI:IX), и как то бывало обычно с прочими властелями (см. § 15—16). Двор дома-заповедника — особая статья, частный случай дворов вообще и здесь может занимать нас лишь в связи с домом-заповедником, как таковым.

Кто были те люди, которые трудились над приготовлением пищи, преимущественно хлеба и пива, в самом доме-заповеднике? Эти люди считались «чадью» (*мрт*). В царских обельных грамотах двору «Укрепляет Мин *Нфр-к'-р*» под «чадью» подразумеваются, возможно, одни работники сельскохозяйственного придатка к дому-заповеднику, т. е. самого двора. Однако в обельной грамоте поминальному храму двух цариц-матерей времени VI дома понятие «чадь» распространено, возможно, и на работников самих заповедников (UAR:307):

«Приказало величество (моё) охранять (и) защищать

слуг божьих (т. е. жрецов)	дома,
(и)	пашню,
слуг двойника (т. е. поми-	городцы,
нальных жрецов)	чадь».

В староегипетской летописи, где говорится не о земельных владениях домов-заповедников, а только об обслуживании этими заведениями жертвеников, набранная для того «чадь» представляет собою работников самих домов-заповедников (перевод см. выше).

Тем самым к работникам дома-заповедника приложимо все, что может быть сказано о «чади». Глагол *чзй* «набирать» употреблен летописью применительно к работникам собственного дома-заповедника, так что способ получения рабочей силы путем набора применялся и для домов-заповедников.

От распорядителя дома белого (т. е. казнохранилища) *Ир.н-вр* дошло несколько изваяний его людей, в том числе двух молольщиц и одной пивоварки, представленных за теми занятиями и в тех положениях, за которыми и в которых мы привыкли видеть на стенных гробничных изображениях именно работников дома-заповедника. У всех троих вид и имена совершенно египетские, и каждая обозначена как *джт*, т. е. собственный человек, распорядителя дома белого. В § 4 показано, что *джт* не значило ни «раб», ни даже «зависимый работник», а просто свой, личный человек и что так обозначались сплошь и рядом люди, которые никак не могли быть небольшими. И четвертое изваяние, составляющее одно целое с теми тремя, изображает «собственного (человека), слугу двойника (т. е. заупокойного жреца) *K(')-м-кбд*». Молольщицы изданы — SSKPMK:86, 88—89 = XXV, пивоварка — SSKPMK: 91 = XXVI, жрец — SSKPMK:91 = XXVI. От Старого царства до нас дошли еще другие изваяния работников, занятых работами дома-заповедника, и ни об одном изваянии не скажешь с уверенностью, что изображено лицо неегипетского происхождения (см. соответственные части в ESS). На ложной двери *Идий* изображены две работницы, из которых каждая названа «молольщицей» и носит хорошее египетское имя (ZASA XXXV: 123). На изображении хлебо-пивного производства в гробнице *Хэтп-хър-хт(й)* налицо все признаки дома-заповедника: очистка зерна, растирание, толчение в большой ступе, хлебопечение и т. д.; над работником, накаливающим изложницы для хлебов, стоит: «Разжигание хлебных изложниц подмастерем (*хър(й)-хъм(в)*)» (DAR:X).

Возможный намек на рабское состояние некоторых работников дома-заповедника содержится, да и то весьма неопределенно, на обломке гробницы *Нир-нфр* (DARMK:137 = XXXIV 1451). Это, наверное, кусок изображения изучаемого нами заведения. Молольщица надписана *Чнтт*, что не может не быть ее именем — сходные староегипетские имена известны во множестве. *Инт* над человеком, поддерживающим огонь под изложницами для хлебов и *Вн(й-).н.с* перед работницей, кладущей на огонь изложницу, должны быть тоже именами. Они могли бы значить: первое — «Добытая» в смысле приобретенная, купленная или доставленная в виде дани добыча, второе — «Есмь (я) для нее», т. е. я принадлежу ей, своей хозяйке. Тогда это были бы подходящие рабские имена. Насколько, однако, даже такая тяжелая работа, как растирание зерна вручную между жерновами, не воспринималась как обязательно рабский труд, видно по тому, что одно изваяние молольщицы объявлено надписью на нем изображением хозяйствской дочери: «дочь его *Нbt-м-пт*» (ESS:XV a, ср. 18). Хозяин данного погребения был небольшим человеком — кладбищенским камнесечцем, но тем не менее достаточно обеспеченным для того, чтобы взять с собою на тот свет каменные изваяния,

подобия житниц и т. п. О том, были ли рабами *йсвв*, изображенные на ложной двери (*И*)*т-x'x'* (SPhE:I), см. § 11. Имена у мужчины, восьми женщин и ребенка египетские.

Таким образом, если в составе работников домов-заповедников и могли быть настоящие рабы, в общем и целом рабочая сила туда набиралась как обычная «чадь».

Не подлежит, конечно, сомнению, что средства производства в домах-заповедниках — как орудия труда, так и сырье — принадлежали хозяину. У нас нет прямых указаний на получение работниками содержания, но было бы удивительно, если бы производители пищи не питались от произведений своих рук. Получали ли работники кроме пищевого довольствия еще вещевое, как, скажем, отряды, занятые в каменоломнях (ASAE XXV:242—255=JEA XIII:75—78), на основании наличных сведений нельзя ни отрицать, ни утверждать, но само собой это, разумеется, очень вероятно.

Нет также прямых свидетельств о способах понуждения к работе, применявшихся в домах-заповедниках. Но если даже начальник такого заповедника представлял перед «управою личного дома» в сопровождении пристава с палкою (гробница *Чий*, TT:LXVI—LXVII=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX), а связанные как-то с нашим заведением вельможеские «властели дворов» в случае нерачительности подвергались тою же управою беспощадному истязанию (гробница *Иххий*, GAR:LXXI=MKhCI:IX), то и внутри дома-заповедника вряд ли господствовали иные порядки.

Только что упомянутое изображение отчета властелей занимает вместе с изображением счета зерна у житницы два пояса посреди посвященных хлебопечению и пивоварению, и, как уже было сказано выше, властели представляли перед управою, по всей видимости, с образцами своих произведений — зерном (?) в мешочке и маслом (?) в сосудике. Надо полагать, что от поставок этих властелей и наполнялись изображенные ниже житницы, а от них зерно поступало пекарям и пивоварам. Согласно неизвестно, чтобы «властели дворов» и житницы в гробнице *Иххий* были самого вельможеского хлебо-пивного производства, но можно думать, что взаимоотношения между двором и домом-заповедником в хозяйстве Мина кэбтосского были примерно того же рода. Так же уже говорилось о наличии в самом хлебо-пивном заведении у *Чий* «житницы, которая в доме-заповеднике, с нарезкой (?) потребы месячной» и о том, что из нее изымалось и подсыпалось работникам зерно (TT:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX). Можно только добавить, что на том же изображении работник и сам достает пшеницу из огромного лежачего сосуда (TT:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX).

Изображения превосходно знакомят нас с распределением труда в заведении. Там работали одинаково мужчины и женщины, но некоторые работы выполнялись преимущественно

мужчинами, другие — исключительно женщинами. Так, толкли зерно в большой ступе обыкновенно двое мужчин (гробницы Чай, TT:LXX=GT:LXXXIII=GAR:LXX; *Xətn-xər'-xt*(ü), DAR:X; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:VI), раз втроем с женщиной (из гробницы *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII); две женщины толкуют зерно в такой ступе в гробнице *Csim-nfr* (G XI:159) и на ложной двери (*İ)t-x'x'* (SPhE:I). Растирают зерно на зернотерке только женщины (гробницы Чай, несколько раз, TT:LXVII, LXX=то и другое GT:LXXXIII—LXXXVI и GAR:LXX; *Xətn-xər'-xt*(ü), DAR:X; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:V; *Csim-nfr*, G XI: 159; *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII; *H̄-vədʒ'-ptxə*, ExG:109—115; *K'-m-cnx*, G IV:VIII; ложная дверь (*İ)t-x'x'*, SPhE:I четырежды; ср. изваяния молольщиц в ESS).

Просеивают через сито опять только женщины (гробницы Чай, несколько раз, TT:LXVI=LXVII+LXX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:V, VI; *Csim-nfr*, G XI:159, два раза; *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII, два раза). Лепят округлые хлебы обыкновенно мужчины (гробницы Чай, TT:LXX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:IV; *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII), редко — женщины (гробница *Mn̄ib*, RTM V:XLVIII). Накаливают изложницы для хлебов по большей части мужчины (гробницы Чай, TT:LXVI=LXX=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Xətn-xər'-xt*(ü), DAR:X; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:V; *İxx̄i*, GAR:LXXI==MKhCI:IX; ложная дверь (*İ)t-x'x'*, SPhE:I), но нередко и женщины (гробницы Чай, TT:LXVI=LXVII=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Csim-nfr*, G XI:159; также, возможно, DARMK:XLVIII+234; ср. гробницу *P̄iñi*, RTM V:XLIV, и ложную дверь (*İ)t-x'x'*, SPhE:I). Отжимают пиво на гробничных изображениях обычно мужчины, притом обыкновенно вдвоем (гробницы Чай, TT:LXVI=LXXI, два раза; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:VI; *P̄iñi*, RTM V:XLIV; *İxx̄i*, GAR:LXXI=MKhCI:IX; *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII), но на ложной двери (*İ)t-x'x'* это делают две женщины (SPhE:I), и среди соответственных изваяний имеются женские (ESS:XXX b).

Вымазывают пивные сосуды глиною только мужчины (гробницы Чай, TT:LXXI=GT:LXXXIII—LXXXIV=GAR:LXX; *İ-n-nfrt*, AeGGASK:V; *Mn̄ib*, RTM V:XLVIII; *Csim-nfr*, G XI: 159; *K'-m-rmč*(?), DARMK:XLVIII). Предпочтение в отдельных случаях мужского труда женскому, в других — женского мужскому нетрудно объяснить. Толчение зерна в громадной ступе громадными пестами хотя производилось иногда женщинами, но вообще было больше под стать мужчинам. Особой силы требовало и выжимание из моченого хлеба пива (через решето в подставной сосуд). Напротив, просеивание зерна не требовало силы. Растирать его между жерновами было крайне утомительно, но по силам женщинам. Почему, однако, лепили, прихлопывая, округлые хлебы мужчины — понять не легко.

По-видимому, работники часто, если только не обычно, на время или постоянно закреплялись за определенным видом работы, становились мастерами по определенной части. Об этом можно заключить по тому, что Старое царство тщательно различало виды производственной деятельности, представленные в вельможеских домах-заповедниках. Так, еще в начале IV царского дома один много служивший сановник, *Пхѣ-р-нфр*, различал в своем титле следующие звания:

«руководитель хлебопеков-*ртхѣтъ*»,
«руководитель пекарей-*фсв*»,
«распорядитель двора молольщиц острoverхого хлеба-*хѣч*»,
«распорядитель двора молольщиц (хлебного изделия)
бѣй(?)»,
«руководитель сласти^к(ов)»,
«распорядитель дома-заповедника верхов страны (т. е. вер-
ховых) пивовар(ов)»,
«распорядитель дома-заповедника Низовья пивоваров»
(ZASA LXXV:63—84).

По этому перечню получается как будто, что в царском хозяйстве того времени дома-заповедники были пивоваренными заведениями, а пекарни и мельницы были от них отличны, являлись особыми заведениями. В вельможеском хозяйстве, однако, во всяком случае во вторую половину Старого царства, дом-заповедник хотя и занимался в первую очередь пивоварением, но не ограничивался им и пек не только хлебцы, нужные для пивоварения, но и иные — округлые хлебы, приготавливая сласть из фиников и из зерна, потребляя не один ячмень, шедший на пивоварение, но также пшеницу (однорядка *эт* упомянута в гробницах Чий, TT:LXVI=GT:CXXI=GAR:XLIX; *Схм-нфр*, G XI:159; *K'-м-рмч(?)*, DARMK:XLVIII, дважды; двурядка *бdt* — в гробнице *Xѣтn-хѣр'-xt(и)*, DAR:X). В гробнице *Й-н-нфрт* показано даже изготовление мясных блюд домом-заповедником, да и сами дворцовые и храмовые дома-заповедники не были тогда только пивоварнями, но приготавливали завтрак для фараона и жертвоприношения для алтарей. Представленные у *Пхѣ-р-нфр* обозначения производителей почти все засвидетельствованы и для вельможеского хозяйства. Две «молольщицы» поименованы на ложной двери *Идий* (ZASA XXXV:123), «хлебопек (*ртхѣ*)» изображен в гробнице *снх-м-с-хѣр* (GAR:LXXII=RTS:XXV), возможно, также в гробницах *Иххий* (GAR:LXXI=MKhCI:IX) и *Й-н-нфрт* (AeGGASK:IV), «пивовар» имеется в гробнице *Схм-хѣвт-хѣр* (BMMA III:221).

В доме-заповеднике изделие проходило последовательно через руки различных работников. Ячмень толкли, просевали, мололи, ячменные хлебцы пекли и, намочив, отжимали, ячменное пиво разливали все разные работники. Взаимосвязанные работы сочетались воедино даже пространственно, путем соот-

ветственного расположения производителей. Если и в гробницах *Й-н-нфрт* (AeGGASK:V) и *Сим-нфр IV* (G XI:159) молольщица и просевальщица работают вместе, то в гробнице Чий мы находим не только молольщицу, но и просевальщицу рядом (TT:LXVI=LXX=GT:LXXXVI=GAR:LXX), но дважды — одну просевальщицу на трех молольщиках (TT:LXVI==LXX=GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX) и дважды, по-видимому, одну просевальщицу на двух молольщиках (там же; однако, хотя молольщицы оба раза повернуты лицом к одной просевальщице, налицо каждый раз еще одна просевальщица позади молольщиц, только с ситом, из которого ничего не сыпется). В гробнице *Йххий* наглядно показана целая цепочка взаимодействий производителей: один лепит хлеб, второй одною рукою принимает хлеб у первого, другою передает хлеб третьему, который одною рукою принимает, а другою переворачивает хлеб к печи, где четвертый накаливает изложницы, а пятый кладет в них хлеб (гробница *Йххий*, GAR:LXXI==MKhCI:IX).

Во главе заведения стоял «распорядитель дома-заповедника» или просто «заповедника» (*ймй-р' пр-шнсв*, *ймй-р' шнсв*), одинаково у Еельмож (гробница Чий, TT:LXVI=LXVII, отчасти LXIX=GT:LXXXV—LXXXVI=GAR:LXX; *Й-н-нфрт*, AeGGASK:VI, 26 (*ймй* разрушено); *чнх-м-с-хър*; RTS:XXV==GAR:LXXII (полуразрушено); неизвестного лица, AIKMB:22 (наверно, также *Пайй-нхт*)), храмов (указы *Нфр-йр-к'-р'*, UAR:172; *Нфр-к'-р'*, UAR:293; одного из его преемников, UAR:295; *Нфр-к'-хър*, UAR:304; остатки гробниц *Нфр-хътпв*, AIKMB:28; *Н(й)-чнх-хънм* Сироты, ASAЕ XLII:121; жертвеники того же лица, AIKMB:60; — — — *джр*, DARMK:23; *В'ш-к'*, HTESBM:XXII; ложная дверь того же лица, HTESBM:XXII) и царя (гробница *Йрв*, G III:61=XXI 1, 66=XXIII, 66=XXIV). «Распорядитель» мог заведовать большим домом-заповедником с разносторонним производством. Так, у Чий «распорядитель дома-заповедника» то стоит один посреди заведения, надзирая за его многообразной деятельностью, то один же отчитывается в его изделиях перед «управою дома собственного». Также и у *Й-н-нфрт* «распорядитель заповедника» стоит с краю, надзирает за производством разной пищи, разных видов хлеба, пива, сласти, даже мясных блюд. Но другие «распорядители» заведовали, по-видимому, более дробными «заповедниками», производившими определенный вид или даже разновидность еды и питья. Вспомним звания *Пхъ-р-нфр* — «распорядитель дома-заповедника внутренней (страны, т. е. Верховья) пивоваров», «распорядитель дома-заповедника Низовья пивоваров» (ZASA LXXV:68) — и троих «распорядителей заповедника» в гробнице неизвестного, отчитывающихся перед писцами: один — в островорхом хлебе, другой — в пиве, третий — в округлом хлебе (AIKMB:22=AVAeAG:57). «Распорядителем дома-заповедника» могла быть женщина: в гробнице *Пайй-нхт* в числе творя-

щих поминки по князе находится и «распорядительница дома-заповедника *Мрйт*» (CMIEA:174).

Второстепенное начальство — «наставник дома-заповедника» (*схъдж пр-шнсв*) — засвидетельствовано лишь для храмового и царского хозяйств: на ложной двери *Сннв* он величается «наставником дома-заповедника (царского солнечного храма) „Приемлет сердце Рэ“» (HTESBM:XXVII), а на жертвеннике, принадлежавшем «служанке божьей (т. е. жрице) [Хатхор]» *Хъкнв*, она зовется «наставницей дома-заповедника завтрака царева» (AIKMB:67). Таким образом, даже в царском хозяйстве эту должность могла занимать женщина.

Третьестепенное начальство — «присмотрщик» (*ймй-хт*, т. е. « тот, кто сзади ») — засвидетельствовано для заповедников, к сожалению, без указания на хозяйство, к которому они принадлежали, ложною дверью *Хв.н-пхъ* (DARMK:217), но странным образом он был «присмотрщиком» сразу нескольких заведений — «присмотрщик домов-заповедников», хотя рядом изображена и поименована женщина, заведовавшая только одним: «распорядитель дома-заповедника *Мр.с-снх*».

Дом-заповедник имел свое собственное делопроизводство. В гробнице *Чий* среди пивоваров стоит «писец дома-заповедника» (TT:LXVI=LXVII=GT:LXXXIII=GAR:LXX). Это, конечно, не мешало «писцам дома собственного», т. е. писцам хозяйственного управления вельможи в целом, принимавшим отчет от дома-заповедника, появляясь в нем, так же как то показано в гробнице *Иххий* (GAR:LXXI=MKhCI:IX).

Жизнь дома-заповедника была подчинена мере и счету, отчету и поверке. В гробнице *Иххий* учет зерна у житниц включен в изображение хлебо-пивного производства (GAR:LXXI==MKhCI:IX), и отпуск из них потребного для него был, несомненно, строго упорядочен. Но внутри самого дома-заповедника зерно, вынутое из «житницы, которая в доме-заповеднике, с нарезкой (?) потребы месячной» отмеривалось работникам; над мужчиной, подсыпающим это зерно молольщице, так и написано: «Отмеривание зерна» (гробница *Чий*, TT:LXVI=GT:LXXXIV=GAR:LXX).

Приемка изделий производилась с поразительной тщательностью. При этом прибором для проверки — как ни странно, одинаково для хлеба и для пива — служил большой воронкообразный сосуд, куда опускали испытуемый хлеб или вливали испытуемое пиво и заглядывали, слегка нагнувшись, приемщик. К сожалению, в чем тут было дело, непонятно; изображены загадочные сосуды неоднократно: гробницы *Чий*, TT:LXVI==GT:LXXXIII—LXXXVI=GAR:LXX; *Иххий*, GAR:LXXI=MKhCI:IX; *снх-м-с-хър*, GAR:LXXII=RTS:XXV; неизвестного лица, AVAeAG:57=AIKMB:22. Надписание изображенных действий у *Иххий* как «створение места» («створение места в (округлом) хлебе», «створение места в пиве» и т. д.), расчет в объемных мерах (приемщик говорит писцу у *снх-м-с-хър*: «Запи-

ши-ка ты расчет: сотворено на 6 *хъкът* (1 *хъкът*=4,7 л), округлый хлеб»; у *Иххь*: «сотворено 6 *хъкът*» — речь идет о пиве и т. д.) позволяют думать, что изделия проверялись с помощью сосудов по заполняемому ими объему. При неполноте требовалось представить замену. «Дай прийти другому [островерхому] хлебу», — говорит приемщик у *снх-м-с-хър*. «Он полон весьма», — возражает работник. Хотя писцы одинаково у *Иххь* и у *снх-м-с-хър* предписывают: «Ввергай (стий — так называлось погружение в поверочный сосуд — гробницы Чай, Иххь, *снх-м-с-хър*, ср. также у неизвестного) это отлично», ответчики не всегда находили приемы приемщиков бесспорными: «Да творишь ты по-правильному», — говорит ответчик у *снх-м-с-хър*. У *Иххь* и *снх-м-с-хър* изделия принимаются у простых работников (поскольку все предъявители представлены обнаженными, хотя, впрочем, так изображен и надписанный «[распоряди]тель заповедника» у *снх-м-с-хър*), но у Чай и у неизвестного подле поверочных сосудов показаны «распорядитель дома-заповедника» (у Чай) и «распорядители заповедника» (у неизвестного). При этом у Чай опускает хлеб в поверочный прибор «мерщик».

Кого обслуживал дом-заповедник? В случае царских и храмовых заведений это явствует иногда из самого титла начальников: «распорядитель дома-заповедника завтрака царева» (гробница *Ирв*, G III:61=XXI 1, 63=XXIV, 66), «наставница дома-заповедника завтрака царева» (жертвенник *Хъкъв*, АИКМВ:67), «распорядитель дома-заповедника жертвы божьей» (обломок из гробницы *Нфр-хътпв*, АИКМВ:28). С последним титлом перекликаются царские указы, ставящие, как мы видели, храмовой дом-заповедник и его двор совершенно недвусмысленно в связь с жертвоприношениями (см. выше), равно как сообщение летописи об учреждении двух домов-заповедников для обслуживания двух жертвенников — солнца и Хатхор (см. выше). Изображая на стенах гробницы приготовление хлеба, пива, сластей и жаркого, тоже имели в виду хозяина заведения, именно посмертное волшебное удовлетворение жертвами почившего и его родни. Иногда назначение изделий лично для хозяина выражено самими приписками. В гробнице *Сим-нфр* на изображении пивоварни над молольщицей написано: «Сотворение *вхъст* для *Сим-нфр*» (G XI:159), в гробнице *И-н-нфрт* «[распоря]дитель заповедника» говорит своим работникам: «Торо[питесь] — [?] — Имеют нести поступление (*скъ*)» (AeGGASK:VI=27); глагол *ф'й* «возносить — нести — приносить» в связи с храмовыми домом-заповедником и жертвоприношением имеется в указе *Нфр-к'-хър* (UAR:303—304).

Высказанное мне раз в беседе академиком В. В. Струве предположение, что вельможеский дом-заповедник кормил подневольных работников, занятых в хозяйстве сановника, я не могу подтвердить прямыми свидетельствами времени Старого

царства, хотя для Среднего таковые имеются. Косвенное свидетельство содержится, быть может, в гробнице *Иххий* (GAR: LXXI=MKhCI:IX), где на изображении пекарни-пивоварни при приемке островерхого хлеба присутствует рядом с приемщиком направитель шатра (*xpn зхъ*) *Снджм*, а у поверочного прибора для пива приемщиком выступает, по-видимому, «руководитель *свтив* *Мхъв*». Прочитать иначе второе титло как будто нельзя; по меньшей мере так представляется на основании снимка. Возможно, то были какие-то работники самого дома-заповедника, а не сельскохозяйственное население, приписанное к заповеднику. Участие их «направителя» в приемке изделий пекарни-пивоварни намекает как будто на причастность его к дальнейшему продвижению этих припасов, именно к его подчиненным для их кормления. Присутствие тут же «направителя шатра» (т. е. хозяйствской столовой), иными словами, лица, определенно связанного с дальнейшей судьбою изделий, позволяет думать, что и появление тут «направителя *свтив*» не случайно, хотя звание его и имя, как и титло заведующего столовой, вставлены задним числом небрежными письменами.